

Д. И. Иванов

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай

ORCID ID: 0000-0002-1492-0049 E-mail: Ivan610@yandex.ru.

Революционная «духовная аэробика» К. Кинчева: КОГНИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

АННОТАЦИЯ. В статье в когнитивной точке зрения в рамках оригинальной авторской методологии анализируется противоречивость когнитивно-прагматических установок К. Кинчева. Разрушение тоталитарной машины подавления личности воспринимается рок-поэтом (субъектом-источником КПП — когнитивно-прагматической программы) как подлинный путь к свободе и духовному возрождению, однако тотальная деструктивность, воплощенная в неудержимой «воле-к-власти», порождает систему «конструктивно-созидательных» рефлекторных, инстинктивно-импульсных реакций («бытие-к-свободе»). Возникает парадоксальная ситуация, при которой ключевым инструментом обновления сознания рок-героя становятся деструктивные импульсы-стимулы, порождаемые самим объектом противостояния («системой»). В сознании поэта формируется особое деструктивно-аффективное состояние, которое условно можно назвать «волей-к-победе». Оно практически полностью совпадает по своему концептуально-смысловому содержанию со свойством «системы» — «волей-к-власти», основными характеристиками которого являются: а) манипулятивность; б) подчинение (подавление); в) бескомпромиссность; г) крайняя агрессивность. Аффективный импульс провоцирует формирование автоматизированной реакции, а далее она сама становится аффективным стимулом, и цикл повторяется. Другими словами, фаза «стимул-реакция» (агрессивный страх, самоагрессия (вызов) и пр.) переходит в фазу «реакция-стимул», что приводит к тотальной «анемии» сознания и субъекта-источника (генератора КПП), и субъекта-интерпретатора (носителя КПП).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивно-прагматическая программа; революционная эстетика; деструктивно-аффективные импульсы; агрессия; рок-поэзия; рок-поэты; поэтическое творчество; поэтические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка, Сианьский университет иностранных языков; 710128, КНР, Сиань, ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань; e-mail: Ivan610@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов, Д. И. Революционная «духовная аэробика» К. Кинчева: когнитивный взгляд / Д. И. Иванов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 89-96. — DOI 10.26170/pl20-04-11.

ВВЕДЕНИЕ

Как пронизательно отмечал век назад Н. А. Бердяев, ставший свидетелем исторической катастрофы, «революция есть лишь момент в жизни народа, временная функция, переходящее состояние <...> Когда у какого-нибудь человека лопаются гнойный нарыв, то странно было бы признать это явление самым светлым и божественным в человеке <...> Но у нас именно это и происходит в отношении к революции...» [Бердяев 2006: 69]. Нельзя не отметить пророческой точности этого диагноза по отношению к «бескровной революции» рубежа 1980—1990-х, разрушившей обветшалый советский режим: бунтарский пафос и романтическая эйфория от неумолимо наступающих перемен многих лишали способности к взвешенной оценке, ведь революция — по крайней мере для ее творцов и адептов — время действий, а не рефлексии. В полной мере это относится к отечественной рок-культуре, которая, перейдя в 1980-е гг. из субкультурной в контркультурную, «героическую» фазу [см.: Кормильцев, Сурова 1998], сыграла значитель-

ную роль в «революционизации» общественного сознания, при этом ярко воплотив в себе очевидные сегодня противоречия революционного сознания. Когнитивный анализ одного из ярких примеров противоречивой «программы» радикальной рок-культуры и является целью нашего исследования.

Его теоретико-методологическая база — авторский теоретический комплекс СТ / СЯЛ / КПП, где 1) СТ (синтетический текст) — «текст с четкой внешней маркировкой своей гетерогенности и процессуальности <...> целостная полисемиотическая система, стержнем которой является синтетическая языковая личность (СЯЛ)»; 2) КПП (когнитивно-прагматическая программа) — «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) <...> выступающая в качестве концептуальной матрицы различной осмысленной деятельности, в том числе текстовой <...> Если СЯЛ можно интерпретировать как семиотически понимаемый текст субъекта в культуре, то смысл этого текста субъекта воплощается именно КПП» [Иванов, Лакербай 2020: 40, 49].

КОНСТРУКТИВНО-ДЕКОНСТРУКТИВНАЯ ПРИРОДА РЕВОЛЮЦИОННО- «ГЕРОИЧЕСКОЙ» ВЕРСИИ РОК-ЭСТЕТИКИ

Важнейшим качеством «героической эпохи» рок-культуры оказывается ее переход к агрессии, «наступлению». Яростное разрушение ослабевшей «тоталитарной системы» и «ущербной» позднесоветской идентичности воспринимается рок-поэтом (субъектом-источником КПП) как великая миссия, подлинный путь к свободе и духовному возрождению, а самоидентификация проходит по романтическим моделям поэта-пророка (или «шамана», суггестивно «заводящего» массу «субъектов-интерпретаторов»), героя-борца, однако деструктивный радикализм, культ самого бунта, героизация самопожертвования/самоуничтожения и другие причины превращают этот порыв в утопию [см. об этом, напр.: Иванов 2016]. В сознании многих рок-поэтов революционное (т. е. преимущественно деструктивное, направленное на разрушение) самополагание воспринимается в аспекте конструктивной модели: *«мы-против-власти» — «власть-против-нас» = «мы — не есть — власть» / «мы не стремимся к власти»*. Однако в то же самое время нарастает внутреннее ощущение концептуально-смысловой нестабильности и противоречивости данной модели. Под сомнение ставятся два основных компонента «духовно-революционного обновления» человека/мира: а) истинность базового принципа собственной самоидентификации (*мы не имеем ничего общего с «системой»-властью*); б) корректность определения главного объекта противостояния (*наш главный враг — «тоталитарно-догматическая система» подавления личности*). Приведем два примера, где а) выделена курсивом фиксация самоидентификационного сбоя: *«Сколько же можно ждать, бейби, сколько же можно терпеть? / Когда ж нам дадут дышать, бейби, и перестанут нами вертеть? / Пора ото сна воспрять, бейби, и быть умнее впредь! <...> / Боюсь, им не сдохнуть, бейби, а нам от них не продохнуть, / А может они — это мы, бейби, и в этом вся соль и суть. / Но как нам уйти из тьмы, бейби, и отыскать наш путь...»* [Градский 1990]; б) выделена курсивом фиксация «потери» объекта противостояния: *«Полковник Васин приехал на фронт / Со своей молодой женой, / Полковник Васин собрал свой полк / И сказал им — пойдём домой. / Ведём войну уже семьдесят лет, / Нас учили, что жизнь это бой, / По новым данным разведки, / Мы воевали сами с собой»* [Гребенщиков 1988].

Всё это приводит к тому, что базовая модель развития рок-революции получает новую вопросительную интерпретацию:

«мы-против-кого?..» — «власть-против-нас» = «мы — не есть — власть», но «кто мы?..». Другими словами, тотальная деструктивность, воплощенная в неуправляемой «воле-к-власти», порождает систему «конструктивно-созидательных» рефлекторных («рефлекторная сущность рефлексии выражается в том, что рефлексия начинается со стимула <...> и заканчивается ответной реакцией организма <...> Активным началом рефлексии служит рефлексивная потребность (мотив), которая побуждает субъект к осознанию собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к себе и к др., своих задач, назначения и т. д.» [Шатова 2015: 235]), инстинктивно-импульсных реакций («бытие-к-свободе»), но всё это, создавая внутри КПП зону нестабильности, еще не способно изменить ее суть. Дело в том, что (используем формулировку К. Кинчева) две разновидности одной и той же романтико-героической деструктивной стратегии когнитивного развития личности: «битва за жизнь» и «жизнь ради битв» («Визг тормозов, музыка крыш — / Выбор смерти на свой риск и страх. / Битва за жизнь, или жизнь ради битв — / Всё в наших руках» [Кинчев 2002: 51]) взаимообусловлены, а «революционная» направленность образует саму суть контркультуры, в наиболее радикальном своем варианте вообще ничего не признающей, кроме бунта как такового (см. многочисленные высказывания и творческую практику Е. Летова).

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ «РОК-ЭСПЕРИМЕНТ» К. КИНЧЕВА КАК СИСТЕМА ДЕСТРУКТИВНЫХ КОГНИТИВНО- МЕНТАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вышеупомянутые разновидности стратегии когнитивного развития личности в пространстве «героической эпохи» русского рока становятся системообразующими компонентами (ключевыми внутренними механизмами) моделирования первого «героического» (псевдоконструктивного) цикла когнитивно-прагматической программы (КПП) К. Кинчева. В рамках этого цикла К. Кинчев полностью принимает (абсолютизирует) деструктивные «правила» контркультурной «игры на поражение». В ней миссия поэта-пророка-героя-борца предельно упрощается: опираясь на «революционную» идею преобразования действительности, «я» (поэт) должно путем бескомпромиссной борьбы пробудить сознание человека «массы», чтобы вместе изжить «рабское чувство» страха, «переродиться» и разрушить «тоталитарные догмы».

Конструктивность и результативность данного процесса весьма сомнительна. Форма реализации «метафизической», «духовно-героической» рок-революции, которую сам Кинчев называет «аэробикой» («А, аэробика! / У, аэробика! / Лечь! Встать!») [Барановская 1993: 102], представляет собой жесткую систему взаимообусловленных когнитивно-ментальных действий, производимых «системой», подавляющей сознание поэта (деструктивный режим активации) / самим поэтом (псевдоконструктивный режим активации). Определяя сущность процесса революционной трансформации сознания и общества, К. Кинчев замечает: «Любая революция — это жуткое, кровавое месиво...» [«Взгляд из Нижнего» 1994].

Соответственно, модель «революционно-героической аэробики» К. Кинчева имеет оппозиционно-двойственную структуру. Она состоит из двух «противостоящих» друг другу операциональных концептуально-смысловых кодов: а) «*лечь*» (когнитивно-ментальный идентификатор негативных действий-операций «системы»); б) «*встать*» (когнитивно-ментальный идентификатор позитивных действий-операций героя-поэта-пророка), — реализация которых, по убеждению рок-поэта, позволит обрести истинную духовную свободу.

При этом сама «программа революционного „обновления“ / „очищения“ / „освобождения“ сознания, сформулированная К. Кинчевым в рамках композиции „Аэробика“, выглядит следующим образом: „Мы уже почти вышли к морю, / Мы уже почти бросили сеть, / Мы уже почти чувствуем ветер, / Мы уже почти научились смотреть, / Мы уже почти умеем смеяться, / Мы уже почти говорим о своем, / Мы уже почти не отводим глаз, / Мы уже почти поем, / Мы уже почти видим небо, / Мы уже почти встали в рост, / Мы уже почти открыли все двери, / Мы уже почти не кричим SOS, / Мы уже почти не слышим приказов, / Нас уже почти невозможно пасти, / Мы уже почти вышли на трасу, / Но только почти, / Только почти“» [Барановская 1993: 104].

Каждое из представленных действий четко соотнесено с концептуально-смысловым кодом «встать», который в сознании К. Кинчева генетически связан с такими понятиями, как обретение своего лица, искренность, самовыражение, независимость, вера, смелость, способность любить, стремление к победе над своим противником (врагом), способность открыто (прямо) высказывать свое мнение («говорить на своем языке») / отстаивать свою позицию. Однако своеобразным источником формирования

всех этих «конструктивных» революционно-героических действий является концептуально-смысловой код «лечь», ассоциативно связанный с деструктивно-аффективными состояниями рабства, подчинения, слепой веры, «духовной немоты» / «слепоты» / «глухоты», пассивности, инертности, неосознанного стремления к самоуничтожению, олицетворяющими «систему подавления личности».

В результате возникает парадоксальная ситуация, при которой ключевым инструментом обновления сознания рок-героя (К. Кинчева) становятся деструктивные импульсы-стимулы, порождаемые самим объектом противостояния («системой»). При этом музыкально-экстатическая («шаманская») форма не оторвана от вербального текста, напротив — это не просто «органический катализатор», позволяющий глубже проникнуть в сознание субъекта-интерпретатора, но и невербальная форма реализации того, что заложено в вербализованном стихе. Другими словами, музыка — это не «смысловая надстройка», конкретизирующая текст, а особая форма его выражения, что и соответствует понятию «синтетический текст». Поэтому сама синтетичность рока воспринимается К. Кинчевым как духовно-ментальный опыт «семиотического проецирования» (перевоплощения/перекодировки/трансформации) поэтического языка, репрезентирующего себя в рамках невербальных знаковых систем.

«РЕВОЛЮЦИОННО-ГЕРОИЧЕСКАЯ» МОДЕЛЬ «ПЕРЕКОДИРОВКИ» СОЗНАНИЯ К. КИНЧЕВА

Принципиальным в содержании этой репрезентации является тот факт, что К. Кинчев, ощущая всю противоречивость выбранной модели, продолжает, как зачарованный собственной суггестивной мощью, действовать по ее правилам. Представим «революционно-героическую» модель «перекодировки» индивидуального (генератор-КПП) / коллективного (массового) (субъект-интерпретатор) сознания, функционирующую по принципу: «деструктивный импульс-системы» («лечь») порождает «конструктивную реакцию поэта-пророка» («встать»).

1. **«Воля-к-власти».** *Стимул 1.* Полная (тотальная) внешняя изоляция человека («Красные кони серпами подков топтали рассвет, когда всходило солнце, солнцу говорили: „Нельзя, нельзя“» [Барановская 1993: 95—96]). **«Бытие-к-свободе».** *Реакция 1.* Стремление к обретению полной внешней свободы («Выйти к морю» — «Сбросить сеть»).

2. **«Воля-к-власти».** *Стимул 2.* Абсолютное подчинение, тотальный «внутренний»

контроль над сознанием и подсознанием «человека-раба» («Мы вскормлены леплом великих побед, / Нас крестили звездой, / Нас растили в режиме нуля» [Барановская 1993: 95—96]; «Тоталитарный рэп — это эксперимент / По перестройке сознания масс. / Тоталитарный рэп — это голос: — / „Предъявите ваш аусвайс!“» [Барановская 1993: 101—102]). **«Бытие-к-свободе».** Реакция 2. Стремление к обретению полной внутренней свободы («Чувствовать ветер»): свободно/открыто выражать свои истинные чувства и эмоции («Научиться смеяться» — «Научиться смотреть»).

3. **«Воля-к-власти».** Стимул 3. Парализующий страх-трепет, перерастающий в «ужас-восторг» — основа «счастья», «благополучия» и «внутренней гармонии» «свободного» советского человека («И заревели истошно глотки. / „Всех причесать!“ / И глохли тонкие перепонки. / „Лечь! Встать!“» [Барановская 1993: 102—103]). **«Бытие-к-свободе».** Реакция 3. Преодоление духовной «немоты» / «глухоты» / «слепоты» («Видеть небо» — «Не проводить глаза»); стремление к самовыражению / творческой самореализации («Говорить о своем» — «Петь»).

4. **«Воля-к-власти».** Стимул 4. Иррациональная воля, выраженная в приказах «хозяина» — это «истина в последней инстанции» («А когда вышел грозный хозяин, / Нервно упали ниц. / Их спины стоили ровно столько, / Сколько пергамент лиц» [Барановская 1993: 102—103]; «Тоталитарный рэп — это абстрактный пряник / И совершенно конкретный кулак» [Барановская 1993: 101—102]). **«Бытие-к-свободе».** Реакция 4. Активная борьба за «свободную волю» — полную свободу личности (следует напомнить, что «односторонняя волюнтаристская позиция в социальной сфере дезориентирует людей, внушая им, что своих целей они могут добиться чисто волевым прорывом, независимо от каких-либо объективных условий» [Камалдинова 2012: 334]. Открытое противостояние и желание победить своего «врага» любой ценой («Открыть все двери» — «Не кричать SOS» — «Не слышать приказов»).

5. **«Воля-к-власти».** Стимул 5. Любое реальное/потенциальное действие человека должно соответствовать морально-этическим «классово-патриотическим» нормам советского общества. Каждый человек должен находиться «на своем месте» и безоговорочно выполнять «свою» функцию («Твой путь / От этой стены к этой стене» [Барановская 1993]; «Тоталитарный рэп — это танец: / Шаг вперед, два шага назад» [Барановская 1993: 101—102]). **«Бытие-к-свободе».** Ре-

акция 5. Найти, занять свое место в мире («Встать в рост») и отыскать свой путь («Выйти на трассу»).

Ключевое значение здесь имеет четвертая реакция генератора КПП — *«Активная борьба за свободу личности. Открытое противостояние и желание победить своего „врага“ любой ценой»*. В сознании поэта формируется особое деструктивно-аффективное состояние, которое условно можно назвать «волей-к-победе». Оно практически полностью совпадает по своему концептуально-смысловому содержанию с псевдогуманистическим стремлением «системы» — «волей-к-власти», основными характеристиками которого являются: а) манипулятивность; б) подчинение (подавление); в) бескомпромиссность; г) крайняя агрессивность.

Показательна в данном контексте беседа К. Кинчева и Ю. Шевчука, в которой К. Кинчев предельно четко определяет свое негативное отношение к насилию «системы» (в частности советской милиции) над людьми — но при этом категорически отрицает, что сам осознанно/подсознательно действует по принципам той же самой «революционно-насильственной» модели, один из ключевых элементов которой — неуправляемая, самопорождающаяся агрессия: **Ю. Ш.:** Ты помнишь детскую книжку про „дядю Степу“? **К. К.:** Ну да, конечно... (*Ведущий программы „Музыкальный лифт“: Во время гастролей в Казани Ю. Шевчука сопровождали два милиционера-телохранителя*) **Ю. Ш.:** Вот — это два „дяди Степы“. Хороших... как из детской книжки... Честное слово... **К. К.:** А в „бубен“ на твоих глазах они не били никому?.. **Ю. Ш.:** Нет, никогда... **К. К.:** Ну, просто тебе повезло... <...> **Ю. Ш.:** Я тебе скажу, что это замечательные ребята. Думаю, что сейчас они очень много расскажут своим „браткам“... **К. К.:** И они станут мягче, да?.. (*К. Кинчев скептически улыбается и, выражая свое сомнение, покачивает головой*). <...> **К. К.:** Ты не боишься, что они тебе подыгрывают, эти „дяди Степы“. А как только ты уехал, они начинают себя вести совершенно по-другому... **Ю. Ш.:** Боюсь... **К. К.:** Вот и я тоже боюсь... Он выбрал для себя такую работу. Я эту работу не принимаю, потому что это работа „рычать“ на сильных духом... **Ю. Ш.:** Это неправда... **К. К.:** Может быть... Я ему говорю: „Пошли со мной. Поехали, мы тебя берем к себе на работу“. Ты будешь „чистым“... **Ю. Ш.:** А ты никогда не думал, что ты тоже насилие?.. **К. К.:** Нет, я не насилие... **Ю. Ш.:** Какая-то маленькая доля насилия все равно есть... **К. К.:** Нет, нет... Мы выходим на сцену, мы не знаем, что будет... **Ю. Ш.:** Я тоже не

знаю, что будет... К. К.: Какое же это насилье?.. Ю. Ш.: А если возникают драки... (Ю. Шевчук намекает на то, что во время концертов „Алисы“, „ДДТ“ и других рок-групп достаточно часто возникают драки не только между слушателями и милицией, но и между фанатами) [курсив мой — Д. И.]. К. К.: Мы прекращаем концерт. Вот и всё... Ю. Ш.: Я тоже сразу прекращаю концерт» [Музыкальный лифт 1991].

**ДЕМОНСТРАТИВНО-МАНИПУЛЯТИВНАЯ
«ПОБЕДА» К. КИНЧЕВА: СИМУЛЯЦИЯ
ОСНОВНОГО ЦЕЛЕВОГО ОРИЕНТИРА
РЕВОЛЮЦИОННОГО «РОК-
ЭКСПЕРИМЕНТА»**

Все это приводит к тому, что конструктивный компонент ключевого когнитивно-ментального конструкта «победа» нейтрализуется. В основе этого процесса лежит механизм тотальной абстрактизации и «овеществления» категории «победа» с последующим распадением ее концептуально-смыслового ядра на несколько деструктивно-симулятивных иллюзорных проекций. Назовем некоторые из них.

Проекция 1: «победа» — это особая форма воплощения манипулятивных амбиций поэта-пророка, который является «беспечной» и «легковерной» (искаженно-симулятивной) зеркальной копией самого себя («Где пророки беспечны и легковерны, / Как зеркала» [Барановская 1993: 105—106]). Победить — значит внедрить свои идеи в сознание нового поколения: «Быть живым — мое ремесло. Это дерзость, но это в крови. / Я умею читать в облаках имена / Тех, кто способен летать. / Если ты когда-нибудь / Почувствуешь пульс великой любви, / Знай, / Я пришел помочь тебе встать!» [Барановская 1993: 95—96].

Проекция 2: «победа» — это деструктивная форма демонстрации своего превосходства. Победить — значит подтвердить свой особый «культовый» статус героя-пророка: «Шаг за шагом, сам черт не брат, / Солнцу время, Луне часы, / Словно в оттепель снегопад, / По земле проходили мы. / Нас величали черной чумой, / Нечистой силой честили нас, / Когда мы шли, как по передовой, / Под прицелом пристальных глаз» [Барановская 1993: 97—98].

Проекция 3: «победа» — это единственно возможная форма бескомпромиссного существования «бунтующего» сознания рок-героя. Жизнь отождествляется с процессом движения от одной «победы» (иллюзии победы) к другой. В этом контексте образы

«истинного» и «конченного» «героя» сливаются в единое целое («Свистопляс, отравы, мор — / Чехарда отпетых лет. / Кровью отпылал сумрак в перебор, / Посягнув на рикошет. / Конченный герой — / Псам помеха спать. / Тех, кто принял бой, / Смертью не унять!» [Кинчев 2008]), а жизнь отождествляется со смертью. При этом смысл бытия «конченного» героя определяется парадоксальным тезисом-установкой «победа или смерть», в рамках которого грань между жизнью-смертью и победой стирается. Каждая новая «победа» — это очередная «героическая смерть», так как «герой поколения» является и источником, и инструментом, и объектом метафизического бунта («Метафизический бунтарь поднимается над разрозненным миром, чтобы потребовать его единства <...> построить, если это возможно, единое царство справедливости или царство несправедливости, если он доведет свой принцип до последнего предела» [Камю 1990: 135]), воплощенного в тотально-перманентной саморазрушающей агрессии: «Лица слуг сальны! / Лица слуг сальны! Жир сердец! / Разве это начало нового дня?! / Голод наш брат! / Голод наш брат! / Воспомни, как гнев площадей кромсал город! / Мы вольны! / Мы вольны! / Хотя бы в том, что у нас есть глаза, / А у наших глаз — голос!» [Барановская 1993: 94].

Итак, в результате деструктивизации, овеществления и блокировки конструктивно-созидательных импульсов «воля-к-победе» становится всего лишь одной из многочисленных симулятивных форм реализации «воли-к-власти» (главный принцип существования тоталитарной «системы»). Конструктивное содержание понятия «свобода» под воздействием деструктивных импульсов также дестабилизируется. Это приводит к тому, что конструктивно-созидательное «бытие-к-свободе», основанное на «воле-к-победе» / «власти», трансформируется в деструктивно-разрушительное «бытие-к-воле». «Свобода („бытие-к-свободе“) — это состояние духа <...> воля („бытие-к-воле“) — это состояние души. Воля завладевает человеком, что проявляется в его стихийно-бессознательных поступках, в отрицании каких-либо пределов, границ, крайним моментом проявления воли является русский бунт. Воля переживается конкретно-чувственно, со всей интенсивностью, мощью своей энергии и порывов» [Петровых 2002: 216]. Важно, что этот переход сопровождается процессом отождествления импульса (источник «система») и реакции (источник «герой»-«пророк»).

ПРИНЦИП ТОТАЛЬНОГО СИМУЛЯТИВНО-АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАК ОСНОВА «ДУХОВНОЙ АЭРОБИКИ» К. КИНЧЕВА

В этих условиях уже невозможно точно определить, кто является истинным источником деструктивного импульса и псевдо-конструктивной реакции. «Система» (искусственно созданный объект противостояния) и рок-поэт (К. Кинчев) становятся одним целым. Другими словами, «система»-поэт сама создает (генерирует) импульс и сама же на него «реагирует». В результате возникает замкнутый круг: агрессия порождает агрессию. Не случайно во второй части композиции К. Кинчева «Аэробика» многократно повторяется специфическая концептуальная фраза «кто посмеет...». В пространстве текста она выполняет функцию когнитивно-ментального идентификатора (КМИ), фиксирующего момент активизации процесса слияния-отождествления стимула-реакции «системы»-«героя»: «*Кто посмеет* нам мешать быть вместе, / *Кто посмеет* сказать, что нас нет, / *Кто посмеет* отменить движенье, / *Кто посмеет* переокрасить наш цвет, / *Кто посмеет* отнять у нас утро, / *Кто посмеет* нажать на курок, / *Кто посмеет* переиначить ветер, / Кто? Ну так, кто?» [Барановская 1993: 104].

Данный КМИ наделен вполне определенным концептуально-смысловым содержанием и имеет ярко выраженную деструктивную направленность. Во-первых, КМИ «кто посмеет...» — это призыв к тотальному симулятивно-автоматизированному противостоянию. Специфику этого противостояния можно определить так: 1) «я» / «мы» против «системы»; 2) «система» против «меня» / «нас»; «я-система» против «они-система»; 3) «я-система» против «я-они-система»; 4) «я-система» против «я-система». Во-вторых, это специфическая вербальная форма фиксации-выражения доминирующего принципа работы сознания «системы» — «героя-пророка». Его ключевым компонентом является механизм активизации открытого вызова, воплощенного в перманентно возникающем/исчезающем аффективном состоянии, ослепляющей агрессии/самоагрессии.

Механизм формирования этого состояния достаточно прост. На первом этапе в сознании «героя-пророка» — «системы» возникает острое, «пульсирующее» ощущение внутреннего напряжения. Его появление обусловлено иллюзорно-симулятивной «убежденностью» в наличии постоянно трансформирующегося образа внешнего/внутреннего врага-агрессора (когнитивно-ментального

раздражителя) и страхом, что он может дискредитировать и даже уничтожить (разрушить/нейтрализовать) концептуально-смысловую целостность сознания «системы» — «героя-пророка». Так, для представителей радикального рок-движения агрессором является «тоталитарная система подавления личности» — и наоборот.

Важно, что это обоюдное псевдоконструктивное ощущение агрессивного страха постепенно начинает восприниматься «системой-субъектом» не только как факт своего наличия в мире, но и как знак подтверждения значимости своего присутствия в нем. Оно перерастает в постоянное чувство и закрепляется в симулятивно-автоматизированном, импульсивно-реактивном сознании, получая в его структуре статус ключевого (конститутивного) элемента. В результате «сущностное я» «системы»-«героя» овециствляется и превращается в «обезличенное механистическое мы».

На втором этапе деструктивно-аффективное состояние агрессивного страха приобретает характер глубокой внутренней убежденности в том, что единственно возможным способом гармоничного состояния является беспричинная, бесконтрольная, тотальная агрессия («бытие-к-власти»). При этом «механистическое» сознание «системы-героя» воспринимает (идентифицирует) эту форму бытия как «бытие-к-истине». Безальтернативная формула псевдогармоничного существования «бытие-к-власти-истине» не просто предлагается субъекту-интерпретатору (носителю КПП), а навязывается ему, частично/полностью блокируя эмоционально-волевые интенции личности, превращая их в набор автоматизированно-овеществленных реакций.

Всё это закономерно приводит к тому, что «истина (власть / тотальный контроль)-для-меня (системы-героя)» становится «истиной — для всех (носители КПП)». Установление этого деструктивно-подчинительного режима «активности» обезличенного субъекта позволяет «системе-герою» конституировать формулу «я («система»-«герой»)-есть-истина (власть)», точнее «я-есть-истина (власть) — для тебя (и для всех)». Простой человек превращается в симулятивную копию «системы», а «встроенная» в его сознание «истина» существует в нем, но им не осознается (см. позднейший анализ ситуации в композиции К. Кинчева «Власть»), поскольку структура данного понятия расщеплена и дискредитирована не только «системой» / деструктивными (псевдоконструктивными) проекциями «системы» (рок-культура), но и самим носителем КПП,

для которого истина — это слепое исполнение воли-приказа, исходящего от него самого и ему же адресованного.

На третьем этапе изменяются специфика и диапазон поиска ускользающего когнитивно-ментального раздражителя (противника-агрессора), которого в действительности нет. Однако признать тот факт, что объект противостояния отсутствует, «система»-«герой» не в состоянии. Для нее это равносильно признанию фиктивности собственного наличия, и в порядке самоутверждения-самоуничтожения она воспринимает отсутствие врага как очередной вызов. Аффективный страх доводится до предела и становится новым объектом самопротивостояния. В этих условиях «система»-«герой» начинает искать врага внутри самой себя, и псевдоконструктивная идея борьбы-самоуничтожения вытесняет все позитивные состояния сознания.

РЕЗЮМЕ

«Революционно-созидательная» модель работы сознания «системы»-«героя»-«субъекта-интерпретатора» включает в себя две взаимообусловленных фазы деструктивной активности субъекта-механизма, воплощенных в симулятивном слиянии импульса и реакции: а) аффективный импульс («Кто посмеет...») провоцирует формирование автоматизированной реакции, псевдорезультативного, бессмысленного, симулятивного действия («помешать нам быть вместе», «сказать, что нас нет», «отменить движение», «перекрасить наш цвет», «отнять у нас утро», «нажать на курок», «переиначить ветер» и т. д.); б) автоматизированная реакция становится аффективным стимулом, на основе которого формируются «новые» реакции такого же типа, и далее цикл повторяется. Другими словами, фаза *стимул — реакция* (агрессивный страх, самоагрессия (вызов), постоянный поиск отсутствующего когнитивно-ментального раздражителя) переходит в фазу *реакция — стимул*, в рамках которой каждое псевдорезультативное, симулятивно-автоматизированное действие становится источником-стимулом отрицания (саморазрушения) не только самого себя, но и всей «системы» в целом. Всё это приводит

к тотальной «анемии» сознания и субъекта-источника (генератора КПП), и субъекта-интерпретатора (носителя КПП).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановская, Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации / Н. Барановская. — Санкт-Петербург : Новый Геликон, 1993. — 239 с. — Текст : непосредственный.
2. Бердяев, Н. А. Духовные основы русской революции / Н. А. Бердяев. — Москва : АСТ : Хранитель, 2006. — 448 с. — Текст : непосредственный.
3. Градский, А. Антиперестроечный блюз / А. Градский. — 1990. — URL: <http://www.gradsky.com/txt/032.shtml> (дата обращения: 05.12.2019). — Текст : электронный.
4. Гребенщиков, Б. Поезд в огне / Б. Гребенщиков. — 1988. — URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-akvarium/tekst-pesni-polkovnik-vasin/1725491/> (дата обращения: 08.11.2019). — Текст : электронный.
5. Иванов, Д. И. Теория синтетической языковой личности. В 2 т. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры) / Д. И. Иванов. — Иваново : ПресСто, 2016. — 360 с. — Текст : непосредственный.
6. Иванов, Д. И. Когнитивная гуманитарная семиотика. Книга 2. Терминология. Аналитические портреты / Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай. — Иваново : ПресСто, 2020. — 256 с. — Текст : непосредственный.
7. Камалдинова, Э. Ш. Фатализм и волонтаризм как категории социальной философии / Э. Ш. Камалдинова. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 4. — С. 334—335.
8. Камо, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. / А. Камо. — Москва : Политиздат, 1990. — 415 с. — Текст : непосредственный.
9. Кинчев, К. Еще 30 песен / К. Кинчев. — Москва : АНТАО, 2002. — 80 с. — Текст : непосредственный.
10. Кинчев, К. Рикшет / К. Кинчев. — 2008. — URL: <https://teksty-pesenok.ru/song/show/1732966/el-ghor/tekst-pesni-i-perevod-cane/> (дата обращения: 23.12.2019). — Текст : электронный.
11. Кормильцев, И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция / И. Кормильцев, О. Сурова. — Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — Тверь : ТвГУ, 1998. — С. 5—39.
12. Музыкальный лифт. Телевизионная программа с участием К. Кинчева и Ю. Шевчука, 1991. — URL: https://vk.com/video-16457565_167279720 (дата обращения: 18.12.2019). — Видео : электронное.
13. Петровых, Н. М. Концепты «воля» и «свобода» в русском языковом сознании / Н. М. Петровых. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24. — С. 207—217.
14. Программа «Взгляд из Нижнего» с участием К. Кинчева, 1994. — URL: <https://sitegallery.ru/video/BV8QEYQqlQ5dABY/kinchev-ego-roditeli-programma-vzgljad-iz-nizh-nego1994-god.html> (дата обращения: 22.11.2019). — Видео : электронное.
15. Шатова, Н. Д. Рефлекторно-деятельностная структура рефлексии: интеграция реактивности и активности / Н. Д. Шатова. — Текст : непосредственный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2015. — № 6. — С. 224—238.

D. I. Ivanov

Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC

ORCID ID: 0000-0002-1492-0049

 E-mail: Ivan610@yandex.ru.

Kinchev's Revolutionary «Spiritual Aerobics»: A Cognitive View

ABSTRACT. This article presents a cognitive analysis of the inconsistency of Kinchev's cognitive-pragmatic aims in the framework of the author's original methodology. The destruction of the totalitarian personality suppression machine is perceived by the rock poet (the subject-source of the CPP — cognitive-pragmatic program) as the true path to freedom and

spiritual revival. However the total destructiveness embodied in the irrepressible «Will-to-Power» creates a system of «constructively creative» reflective, instinctively impulse reactions «Being-to-Freedom». There occurs a paradoxical situation, in which the destructive impulses-stimuli created by the very object of confrontation (“the System”) become the key instrument of renovation of the consciousness of the rock poet. A special destructive-affective state is formed in the poet’s mind, which can be conditionally called «Will-to-Victory». It almost completely coincides in its conceptual-semantic content with the property of the «System» — «Will-to-Power» which has the following main attributes: a) manipulateness; b) submission (suppression); c) uncompromising character; d) extreme aggressiveness. The affective impulse provokes the formation of an automated reaction, and then it itself becomes an affective stimulus and the cycle is repeated. In other words, the stimulus-reaction phase (aggressive fear, self-aggression (challenge), etc.) goes into the reaction-stimulus phase, which leads to total «anemia» of consciousness of both the source-subject (CPP generator) and the interpreter-subject (CPP carrier).

KEYWORDS: cognitive-pragmatic program; revolutionary esthetics; destructive-affective impulses; aggression; rock poetry; rock poets; poetic creative activity; poetic texts.

AUTHOR’S INFORMATION: *Ivanov Dmitriy Igorevich, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Studies, Xi’an International Studies University, Xi’an, PRC.*

FOR CITATION: *Ivanov, D. I. Kinchev’s Revolutionary «Spiritual Aerobics»: A Cognitive View / D. I. Ivanov // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 89-96. — DOI 10.26170/pl20-04-11.*

REFERENCES

1. Baranovskaja N. Konstantin Kinchev. Life and Creation. Poetry. Files. Publications. — Saint Petersburg : New Gelikon. 1993. 293 p. [Konstantin Kinchev. Zhizn' i tvorcestvo. Stihy. Dokumenty. Publikacii. — SPb. : Novyj Gelikon, 1993. 239 s]. — (In Rus.)
2. Berdyaev N. A. The spiritual foundations of the Russian revolution. — Moscow : AST. Keeper, 2006. 448 p. [Duhovnye osnovy russkoj revoljucii. — M. : AST; Hranitel', 2006. 448 s]. — (In Rus.)
3. Gradsij A. Anti-perestroika blues, 1990. [Antiperestroechnyj bljuz, 1990]. URL: <http://www.gradsky.com/txt/032.shtml> (date of access: 05.12.2019). — (In Rus.)
4. Grebenshnikov B. Train on fire, 1988. [Poezd v ogne, 1988]. URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-akvarium/tekst-pesni-polkovnik-vasin/1725491/> (date of access: 08.11.2019). — (In Rus.)
5. Ivanov D. I. Theory of a synthetic lingual personality: In 2 vols. V. 1. The logo-centric model of a synthetic lingual personality: structure and general issues (based on Russian Rock-culture). — Ivanovo : PresSto, 2016. 360 p. [Teorija sinteticheskoj jazykovoj lichnosti: V 2 t. T. 1. Logocentricheskaja model' sinteticheskoj jazykovoj lichnosti: struktura i obshhie voprosy (na materiale russkoj rok-kul'tury). — Ivanovo : PresSto, 2016. 360 s. — (In Rus.)
6. Ivanov D. I., Lakerbaj D. L. Cognitive humanitarian semiotics: Terminology. Analytical portraits. — Ivanovo : Presto, 2020. 256 p. [Kognitivnaya gumanitarnaya semiotika: Terminologiya. Analiticheskie portrety. Ivanovo : PressSto, 2020. 256 s.]. — (In Rus.)
7. Kamaldinova Je. Sh. Fatalism and voluntarism as a category of social philosophy // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. No. 4. P. 334—335. [Fatalizm i voljuntarizm kak kategorii social'noj filosofii // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 4. S. 334—335]. — (In Rus.)
8. Kamju A. Rebellious man. Philosophy. Policy. Art / Transl. with fr. — M. : Politizdat, 1990. 415 p. [Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo / Per. s fr. — M. : Politizdat, 1990. 415 s.]. — (In Rus.)
9. Kinchev K. Another 30 songs. — M. : ANTAO, 2002. 80 p. [Eshhe 30 pesen. — M. : ANTAO, 2002. 80 s.]. — (In Rus.)
10. Kinchev K. Ricochet, 2008. [Rikoshet, 2008]. URL: <https://teksty-pesenok.ru/song/show/1732966/el-ghor/tekst-pesni-i-perevod-cane/> (date of access: 23.12.2019). — (In Rus.)
11. Kormil'cev I., Surova O. Rock poetry in Russian culture: Emergence, Existence, Evolution // Russian rock poetry: text and context. — Tver : TVSU, 1998. P. 5—39. [Rok-pojezija v russkoj kul'ture: vznikovenie, bytovanie, jevoljucija // Russkaya rok-pojezija: tekst i kontekst. — Tver' : TvGU, 1998. S. 5—39.] — (In Rus.)
12. Musical elevator. A television program with the participation of K. Kinchev and Yu. Shevchuk, 1991. [Muzykal'nyj lift. Televizionnaja programma s uchastiem K. Kincheva i Ju. Shevchuka, 1991]. URL: https://vk.com/video-16457565_167279720 (date of access: 18.12.2019). — (In Rus.)
13. Petrovyh N. M. The concepts of will and freedom in the Russian language consciousness // Bulletin of the Ural State University. 2002. No. 24. P. 207—217. [Koncepty volja i svoboda v russkom jazykovom soznanii // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 24. S. 207—217.]. — (In Rus.)
14. The program “View from the Lower” with the participation of K. Kinchev, 1994. [Programma «Vzglyad iz Nizhnego» s uchastiem K. Kincheva, 1994]. URL: <https://sitegallery.ru/video/BV8QEYQqIQ5dABY/kinchev-ego-roditeli-programma-vzglyad-iz-nizhnego1994-god.html> (date of access: 22.11.2019). — (In Rus.)
15. Shatova N. D. Reflex-activity structure of reflection: integration of reactivity and activity // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2015. No. 6. P. 224—238. [Reflektorno-dejatel'nostnaja struktura refleksii: integracija reaktivnosti i aktivnosti // Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke. 2015. № 6. S. 224—238.]. — (In Rus.)